

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

У каждого есть Тайна. И лучше не знать какая...

С. Дж. Тюдор — современная британская писательница, новое имя в жанре остросюжетного психологического триллера. Ее роман «Меловой Человек» покорила десятки стран и продолжает набирать популярность.

Пятеро друзей — Эдди Мюнстр, Толстяк Гав, Железный Майки, Хоппо и Никки — давно вышли из того возраста, когда для общения используют зашифрованные послания, написанные цветными мелками. Но прошлое не стирается так же легко, как мел с пальцев. Сорокалетний Эд все еще помнит, как он и его школьный учитель спасли девушку Элайзу. И помнит ее обезглавленный труп, который нашли в лесу... Спустя годы Эд Адамс встречается с Майки, который заявляет, что отыскал убийцу Элайзы. На следующий день его самого находят мертвым, с нарисованным меловым человечком в кармане. Друзья понимают: то, от чего они бежали, вернулось. На память о прошлом у каждого из них остался не только мел под ногтями, но и кровь. Чья она?..

Обязательный к прочтению психологический триллер. Захватывающий и смелый сюжет. История, которая заставит читателей гадать о развязке и с нетерпением ждать шокирующего финала.

Goodreads

18+

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4331-6

9 786171 243316

С. ДЖ. ТЮДОР

МЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК

НЕКОТОРЫХ ОТВЕТОВ ЛУЧШЕ НЕ ЗНАТЬ...

С. ДЖ. ТЮДОР МЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК

C. J. TUDOR

THE
CHALK
MAN

A NOVEL

MICHAEL JOSEPH
an imprint of
PENGUIN BOOKS

С . Д Ж . Т Ю Д О Р

МЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Т98

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется по договоренности с *Madeleine Milburn Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC*

Переведено по изданию:
Tudor C. J. *The Chalk Man* : A Novel / C. J. Tudor. — London :
Michael Joseph, 2017. — 342 p.

Перевод с английского *Марии Чайковской*

Осторожно! Ненормативная лексика!

ISBN 978-617-12-4331-6
ISBN 978-0-718-18743-9 (англ.)

© С. J. Tudor, 2017
© Nemiro Ltd, издание на русском
языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», перевод и художествен-
ное оформление, 2018

Посвящается Бетти. Обeim

Пролог

Голова девушки лежала на кучке золотисто-коричневых листьев.

Ее миндалевидные глаза неотрывно смотрели на заросли сикоморов, буков и дубов, но, увы, не замечали, как нежные пальчики солнечного света пробирались сквозь листву и капали золотом на лесной ковер. Глаза ее не моргали, когда блестящие на солнце жучки ползали по зрачкам. Не видели ничего, кроме абсолютной тьмы.

Из-под савана листьев выглядывала бледная рука, как будто девушка молила о помощи или искала еще чью-то руку в надежде, что она здесь не одна. Но рядом никого не было. Другие части ее тела были разбросаны по лесу и тщательно спрятаны.

Рядом хрустнула ветка — так громко, словно взорвалась петарда. Стайка птичек с громким щебетом вспорхнула из подлеска.

Кто-то пришел. Кто-то опустился на колени рядом с невидящей девушкой. Кто-то нежно убрал волосы с ее лица и потрогал ледяную щеку дрожащими от нетерпения пальцами. А затем осторожно поднял ее голову, смахнул листья, прилипшие к шее, и бережно уложил в рюкзак, к нескольким сломанным палочкам мела.

Пораздумав секунду, человек снова полез в рюкзак и закрыл девушке глаза. После чего застегнул молнию, поднялся и ушел.

Несколько часов спустя приехали полицейские и судмедэксперты. Они все сосчитали, сфотографировали, проверили и наконец увезли тело девушки в морг, где оно и лежало несколько долгих недель в ожидании, когда найдутся все остальные его части.

Но этого так и не произошло. Сколько ни длились поиски, сколько ни обращались с вопросами и просьбами, несмотря на все усилия лучших детективов и всех горожан, голова так и не была найдена. Девушку из леса так и не смогли снова собрать воедино.

2016 год

Начнем с начала.

Вот только есть одна проблема: мы до сих пор не можем решить, когда именно все это началось. В тот день, когда Толстяк Гав получил набор мелков на свой день рождения? Или когда мы стали рисовать меловых человечков? Или когда они стали появляться сами? Было ли это ужасным совпадением?

Или все это началось в тот день, когда нашли первый труп?

Думаю, любой из этих дней можно считать началом нашей истории. Но я полагаю, что все это началось на ярмарке. Тот день я помню лучше всего. По большей части из-за Девушки с Карусели, конечно. Но еще потому, что именно в тот день мир перестал быть нормальным.

Если представить себе, что этот самый мир — большой стеклянный шарик со снегом, то именно в тот день его схватил какой-то проходивший мимо бог, потряс от души и вернул на место. Даже после того, как снежные хлопья улеглись, всё уже просто не могло стать таким, как прежде. Сама суть вещей вокруг изменилась. Если смотреть на них сквозь стекло шарика, то они, наверное, остались неизменными. Но не внутри. Внутри все было уже иным.

Кстати, именно в тот день я встретил мистера Хэллорана.

Так что да, пожалуй, это начало — самое подходящее.

1986 год

— Эдди, сегодня будет дождь.

Папа любил предсказывать погоду и всегда делал это ужасно авторитетным тоном, как люди в телике. Говорил он с абсолютной уверенностью, хотя почти всегда ошибался.

Я посмотрел в окно и взглянул на чистое голубое небо — такое ясное и яркое, что я даже чуточку прищурился.

— Да что-то не похоже, пап, — прошамкал я, уплетая сэндвич с сыром.

— Потому что никакого дождя не будет. — Мама появилась на кухне внезапно и бесшумно, прямо как ниндзя. — По Би-би-си сказали, что все выходные будет солнечная жаркая погода. И никогда не разговаривай с набитым ртом, Эдди! — добавила она.

— Хм-м, — протянул папа. Он всегда так делал, когда был не согласен с тем, что говорила мама, но не осмеливался сказать об этом вслух.

Никто из нас не осмелился бы ей перечить. Мама моя была — да и остается — довольно устрашающей женщиной. Тогда она была высокой, с короткими темными волосами и карими глазами. Бывало, в них кипело веселье. Но бывало и такое, что они внезапно темнели и становились почти черными, — если она злилась. Слыхали про Невероятного Халка? Та же история. Поверьте, вы не захотели бы увидеть мою маму в ярости.

А еще она тогда была доктором. Но не одним из тех нормальных врачей, которые пришивают людям конечности, делают уколы и все такое. Как однажды сказал мне папа, она «помогала женщинам, у которых случилась ситуация». Какая именно ситуация, он не объяснил, но, наверное, так себе ситуация, раз им приходилось обращаться к врачу.

У папы тоже была работа, но он работал из дома. Писал что-то для журналов и газет. Правда, не всегда. Иногда он просто ходил и ныл, что никто не дает ему работу. Или говорил с горькой усмешкой: «В этом месяце просто не моя аудитория, Эдди».

Когда я был ребенком, мне казалось, что работа у него не такая, «как надо». Не такая, какая должна быть у папы. Папы должны носить костюм с галстуком, уходить на работу утром и приходить вечером к чаю. Мой папа ходил на работу в соседнюю комнату, сидел за компьютером в пижамных штанах и футболке, а иногда даже забывал причесаться.

Да и выглядел он не так, как все остальные отцы. У него была длинная кустистая борода и длинные волосы, которые он собирал в хвост. Он даже зимой носил рваные джинсы и потертые футболки с логотипами древних рок-групп, вроде «Led Zeppelin» и «The Who». А иногда еще и сандалии.

Толстяк Гав говорил, что мой папа — «гребаный хиппи». Наверное, он был прав. Но тогда я посчитал это оскорблением и ударил его. Он, конечно, размазал меня, как букашку, и домой я притащился с синяками и окровавленным носом.

Потом мы помирились. Толстяк Гав иногда вел себя как заносица. Он был одним из тех шумных и несносных толстяков, которые порой затмевают настоящих хулиганов. Но все же он входил в число моих лучших друзей и к тому же был самым щедрым и сердечным человеком из всех, кого я знал.

— За друзьями нужно присматривать, Эдди Мюнстр, — торжественно сообщил он мне как-то раз. — Потому что дружба — это все.

Эдди Мюнстр — это мое прозвище. Потому что моя фамилия — Адамс, почти как в «Семейке Аддамс»¹. Конечно, пацана из «Семейки Аддамс» звали Пагсли, а Эдди Мюнстр — это из «Мюнстеров»², но все равно вышло складно и со смыслом, и это прозвище тут же прилипло ко мне, как это и бывает с прозвищами.

Итак, Эдди Мюнстр, Толстяк Гав, Железный Майки (все из-за его гигантских брекетов), Хоппо (Дэвид Хопкинс) и Никки — вот кто входил в нашу банду. Никки кличку не получила, потому

¹ «Семейка Аддамс» (англ. «The Addams Family») — фильм режиссера Барри Зонненфельда, снятый по мотивам одноименного сериала 1960-х годов и комиксам Чарльза Аддамса. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² «Семейка монстров», «Мюнстеры» или «Мюнстры» — американский телевизионный ситком с изображением домашней жизни семьи добрых монстров, транслировавшийся в 1964—1966 годах.

что была девчонкой, хотя изо всех сил делала вид, что это не так. Она ругалась, как пацан, лазила по деревьям, как пацан, и дра-лась не хуже, чем пацан, — ну, почти. И все же она была девчон-кой. Кстати, очень хорошенькой: с длинными рыжими волоса-ми и светлой кожей, усыпанной крошечными коричневыми веснушками. Не то чтобы я ее разглядывал...

Мы все должны были встретиться в эту субботу. Мы всегда встречались по субботам и ходили друг к другу в гости, на пло-щадку, а иногда в лес. Но эта суббота была особенной. Все из-за ярмарки. Каждый год она приезжала в наш городок и распола-галась в парке у реки. И в этом году нам впервые разрешили пойти туда без присмотра взрослых.

Мы ждали этого несколько недель, с тех пор, как в городе появились первые афиши. На ярмарке бывали аттракционы: автомобильный парк, «Метеорит», «Пиратский корабль» и «Ор-битер». Выглядело это потрясно.

— Все! — Я разделался с сэндвичем так быстро, как только мог. — Мы с ребятами встречаемся в парке в два часа.

— Держись поближе к дороге, — тут же сказала мама. — Не сворачивай никуда и не разговаривай с незнакомцами.

— Не буду.

Я выскользнул из-за стола и пошел к выходу.

— И бананка!

— Ну ма-а-ам!

— Ты будешь кататься. Кошелек может выпасть из кармана. Бананка, и никаких возражений!

Я открыл было рот, но тут же снова захлопнул. И прямо чув-ствовал, как кровь приливает к щекам. Как же я ненавидел эту идиотскую сумку! Только жирдяи-туристы носят на поясе эти проклятые бананки. Это *не клево*. Никто не подумает, что это клево, особенно Никики. Но когда мама становилась такой, с ней действительно невозможно было спорить.

— Хорошо.

Ничего хорошего в этом не было, но стрелка кухонных часов неумолимо приближалась к двум, так что мне пора было шеве-литься. Я взбежал по лестнице, схватил дурацкую бананку и су-нул в нее деньги. Целых пять фунтов. Прямо-таки состояние. А затем снова сбежал вниз.

— Пока, увидимся!

— Хорошо повеселиться!

Это уж без сомнений, в этом я не сомневался. Ярко светило солнце. На мне были моя любимая футболка и кеды. Я уже слышал ритм ярмарочной музыки, чуял запах бургеров и сахарной ваты. Сегодняшний день обещал быть идеальным.

Толстяк Гав, Хоппо и Железный Майки уже ждали меня у ворот.

— Эй, Эдди Мюнстр! Потрясная сумочка! — крикнул мне Толстяк Гав.

Я залился багровым румянцем и показал ему средний палец. Хоппо и Железный Майки издевательски заржали. Но затем Хоппо, который среди нас был самым милым и мирным парнем, сказал ему:

— По крайней мере она не такая пидорская, как твои шортики, козел.

Толстяк Гав ухмыльнулся, схватился за края шорт и засемянил на месте, высоко задирая свои мясистые ноги, прямо как балерина. Имел он такую особенность. Его вообще невозможно ничем задеть, потому что ему на все наплевать. Ну или, по крайней мере, именно это он всем внушал.

— Да без разницы, — сказал я, потому что, несмотря на слова Хоппо, мне все равно казалось, что бананка выглядит по-идиотски. — Носить я ее все равно не буду.

Я расстегнул поясную сумку, сунул кошелек в карман шорт и огляделся. Парк опоясывала толстая живая изгородь. Я сунул бананку в кусты. Ее не было видно со стороны, но я все равно знал, где она, и решил, что заберу ее попозже.

— Уверен, что хочешь оставить ее здесь? — спросил меня Хоппо.

— Да, а вдруг твоя мамочка узнает? — ехидно поинтересовался Железный Майки — нараспев, как он любил.

Хоть он и был частью нашей банды и лучшим другом Толстяка Гава, мне он никогда особенно не нравился. Была в нем какая-то черта, уродливая и ледяная, точь-в-точь как скобки у него во рту. Хотя, если учесть, что собой представлял его брат, это и неудивительно.

— Мне наплевать, — солгал я и пожал плечами.

— Как и всем нам! — сочувственным тоном сказал мне Толстяк Гав. — Может, уже забудем про сраную сумку и пойдем? Сначала я хочу на «Орбитер»!

Железный Майки и Хоппо двинулись за ним — обычно мы всегда делали именно то, чего хотел Толстяк Гав, потому что среди нас он был самым большим и самым громким.

— Но Никки же еще нет! — напомнил я.

— И что? — спросил Железный Майки. — Она вечно опаздывает. Пошли, сама нас найдет.

Майки был прав. Никки *всегда* опаздывала. С другой стороны, не дело это. Мы должны были держаться вместе. В одиночку на ярмарке опасно. Особенно если ты девчонка.

— Дадим ей пять минут, — настаивал я.

— Да ты *шутить!* — воскликнул Толстяк Гав, старательно, но совершенно фальшиво подражая акценту Джона Макинроя¹.

Он обожал говорить с акцентом. Чаще всего с каким-нибудь американским. Получалось у него настолько плохо, что мы вечно покатывались со смеху.

Железный Майки не смеялся так громко, как мы с Хоппо. Ему не нравилось, когда банда настраивалась против него. Но это в любом случае было не важно, потому что знакомый голос вдруг произнес: «Чего ржете?», и наш смех оборвался.

Мы обернулись. Никки поднималась по холму — прямо к нам. И, как всегда при виде этой девчонки, я ощутил, как мой желудок свернулся. Как будто я одновременно почувствовал себя ужасно голодным и немножко больным.

Сегодня ее рыжие волосы были распущены и струились по спине, достигая почти самых краев потертых джинсовых шорт. На ней была желтая майка без рукавов. На шее виднелось ожерелье из голубых цветочков. А еще там заметно блестело серебро. Я увидел маленький крестик на цепочке. Ее плечо оттягивала большая и, судя по виду, тяжелая сумка из мешковины.

— Ты опоздала, — сказал Железный Майки. — Но мы тебя ждали.

Как будто это была его идея.

---

¹ Джон Патрик Макинрой-младший — американский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира.

— А что в сумке? — спросил Хоппо.

— Папа попросил, чтобы я отнесла на ярмарку это барахло.

Она достала из сумки флаер и показала нам: «Приходите в церковь Святого Томаса и вознеситесь к Богу. Молитва — самый захватывающий аттракцион!»

Отец Никки служил викарием в местной церкви. Я сам никогда там не был — мои родители таким не увлекаются, — но пару раз сталкивался с ним в городе. Он всегда носил маленькие круглые очки. Его лысину покрывали веснушки — точно такие же, какие красовались на носу у Никки. А еще он всегда улыбался и здоровался. Этим он меня пугал.

— День превращается в кучу дерьма, старина, — сказал Толстяк Гав.

«Куча дерьма» или «вонючее дерьмо» — излюбленные фразочки Гава. Он всегда произносил их пафосным тоном и прибавлял к ним «старина». Черт знает почему.

— Ты же не собираешься и правда это раздавать? — спросил я и внезапно представил себе, как мы весь день таскаемся за Никки и смотрим, как она раздает листовки. Кошмар.

— Нет, конечно, *Джои*¹, — сказала она. — Просто возьмем немного и раскидаем, как будто их кто-то выбросил, а остальные сунем в какую-нибудь урну.

Мы заулыбались. Нет ничего лучше, чем обвести какого-нибудь взрослого вокруг пальца и сделать что-нибудь неположенное.

Мы разбросали листовки, избавились от сумки и наконец занялись делом. «Орбитер» (он и правда был просто класс), потом — автопарк (Толстяк Гав врезался в меня так, что, клянусь, я услышал, как у меня хрустнул позвоночник), «Космические ракеты» (в том году они казались здоровскими, но в этом уже было скучновато), потом «Шалтай-Болтай», а затем «Пиратский корабль».

После мы ели хот-доги, Толстяк Гав и Никки пытались выловить удочками уток из резинового пруда и познали суровую правду жизни о том, что полученный приз очень часто оказывается не тем, чего ты желал. Они выиграли кучу страшненьких плюшевых игрушек и ушли оттуда, смеясь и бросаясь ими друг в друга.

---

¹ Отсылка к фильму «Шейн» и одному из его главных героев — мальчику по имени Джои, который стал другом ковбоя Шейна.

К тому моменту день уже близился к закату. Наш восторг начал потихоньку остывать. Да и я неожиданно осознал, что только у меня остались деньги еще на парочку аттракционов.

Я сунул руку в карман. Мое сердце подпрыгнуло и застряло в горле. В кармане было пусто.

— Черт!

— Что такое? — спросил Хоппо.

— Мой кошелек! Я его потерял!

— Ты уверен?

— Черт, конечно, я уверен!

Но на всякий случай я проверил и второй карман. В обоих было пусто. Вот дерьмо.

— Так, вспомни, когда ты доставал его в последний раз? — спросила Никки.

Я попытался вспомнить. Он точно был на месте, когда мы вышли с последнего аттракциона: я проверял. Потом мы пошли за хот-догами. Уток я ловить не стал, так что...

— Тележка с хот-догами.

Тележка с хот-догами стояла на другом конце ярмарки, напротив «Орбitera» и «Метеорита».

— Черт! — снова выругался я.

— Пошли, — сказал Хоппо. — Пошли проверим!

— А какой смысл? — спросил Железный Майки. — Кто-то уже наверняка его подобрал.

— Хочешь, могу занять тебе денег? — предложил Толстяк Гав. — Но у меня немного осталось.

Я был почти уверен, что он врет. У Толстяка Гава всегда водилось больше денег, чем у кого-либо из нас. А еще он всегда имел лучшие игрушки, а также новый сверкающий велосипед. Его отец был владельцем одного из местных пабов под названием «Бык», а его мама продавала косметику «Эйвон». Предложение Толстяка Гава являлось очень щедрым, но в то же время я знал, что он и сам хочет еще разок прокатиться на аттракционах.

Я покачал головой и ответил:

— Спасибо, не нужно. Все хорошо.

Совсем не хорошо! Я прямо ощущал, как в глазах у меня закипают слезы. И дело было не только в потерянных деньгах. Я чувствовал себя идиотом, потому что сам испортил себе день. А еще

я знал, что мама проест мне дырку в голове, повторяя: «Я тебе говорила!»

— Вы идите, — сказал я. — А я вернусь и поищу. Нет смысла всем терять время.

— Тогда клево! — отозвался Железный Майки. — Пошли.

И они все ушли. Причем с явным облегчением. Конечно, это ведь не их деньги пропали и не их день пошел псу под хвост. А я поплелся по парку назад, в сторону тележки с хот-догами. Я помнил, что она стояла прямо напротив карусели, и использовал эту карусель как ориентир. Старую добрую карусель с лошадами в самом центре ярмарки просто невозможно не заметить.

Громкая музыка рвалась из старых динамиков. Мелькали разноцветные огни. Наездники кричали. Деревянная карусель как раз набирала скорость.

Подойдя достаточно близко к этому месту, я тут же принялся внимательно обшаривать взглядом землю. Мне на глаза попался всякий мусор и обертки от хот-догов, но кошелек нигде не было. Ну конечно. Железный Майки был прав. Кто-то наверняка уже подобрал его и стащил мои деньги.

Я вздохнул и поднял голову.

И тогда я заметил его. Бледного Типа. Конечно, это было не его настоящее имя. Уже потом я узнал, что его зовут мистер Хэллоран и он — наш новый учитель.

Бледного Типа трудно было заметить. Очень высокий и очень худой, он носил застиранные до белизны джинсы, мешковатую белую рубашку и большую соломенную шляпу. Он выглядел как тот древний музыкант из семидесятых, которого обожает моя мама. Дэвид Боуи¹.

Бледный Тип стоял у тележки с хот-догами, потягивал через трубочку какой-то липкий на вид синий коктейль и наблюдал за каруселью. Ну, или мне так казалось.

Я поймал себя на том, что смотрю в ту же сторону, и внезапно заметил у карусели девушку. Я все еще был очень расстроен из-за потери кошелька, но при этом оставался обычным двенадцатилетним мальчишкой, и в то лето у меня как раз начали бушевать

---

¹ Дэвид Боуи (1947—2016) — британский рок-певец и автор песен, а также продюсер, звукорежиссер, художник и актер.

гормоны. Не все ночи я проводил, читая комиксы с фонариком под одеялом.

Девушка разговаривала со своей светловолосой подружкой. Кажется, я знал ее или видел в городе, ее папа был копом или кем-то в этом роде, но я тут же о ней забыл. Печально, но красота, *настоящая красота* частенько затмевает все и вся.

Блондинка была красива, но Девушка с Карусели — про себя я потом всегда называл ее именно так, даже после того, как узнал ее настоящее имя, — она была просто прекрасна. Высокая, стройная, с длинными темными волосами и еще более длинными ногами, такими гладкими и загорелыми, что они даже немножко сияли на солнце. На ней была оборчатая юбочка, а также мешковатая футболка поверх блестящего зеленого лифчика. На футболке виднелась надпись *Relax*. Она заправила волосы за ухо, и сережка в форме гигантского золотого кольца сверкнула на солнце.

Мне немного неловко признавать, что я не сразу обратил внимание на ее лицо. Однако, когда она обернулась к Блондинке, я увидел его и не был разочарован. Оно тоже казалось душевнораздирающе красивым — с пухлыми губами и раскосыми миндалевидными глазами.

А потом его не стало.

Всего одно мгновение. В это мгновение *она* стояла там и я видел *ее* лицо, а потом раздался жуткий грохот и скрежет, как будто из недр земли вырвалось какое-то чудовище. Это уже потом я узнал, что кольцо на оси старой карусели не выдержало, — слишком много лет ее использовали на всю катушку и почти не следили за ее состоянием. Тогда же я увидел лишь вспышку серебра, а затем лицо девушки, точнее, половина ее лица оказалась просто срезана. Я увидел зияющую дыру, а в ней — месиво из мяса, кости и крови.

Кровь. Сколько крови...

Долю секунды спустя, до того как я успел открыть рот и заорать, мимо меня пронеслось нечто гигантское и пурпурное. А затем раздался оглушительный грохот и сорвавшаяся с оси карусель обрушилась прямо на тележку с хот-догами, окатив нас градом из железных и деревянных обломков. Еще громче кричали разбежавшиеся кто куда люди. Кто-то сбил меня с ног, и я упал на землю.

На меня падали другие. Чья-то нога отдала мне запястье. Чье-то колено врезало по голове. Ботинок ударил под ребра. Я вскрикнул, но каким-то образом умудрился подняться и перевернуться. И вскрикнул еще раз, потому что увидел прямо у себя под носом Девушку с Карусели. К счастью, волосы закрывали ее лицо, но я все равно узнал футболку и блестящий лифчик — даже несмотря на то, что все это было залито кровью. Еще больше крови было на ее ноге, потому что второй кусок металла пробил ее прямо под коленом, прошив кость. Нижняя часть ноги держалась на одних сухожилиях.

Я начал отползать — она ведь была мертва, уж точно мертва, и я ничего не мог с этим поделать. Но тут вдруг ее рука вцепилась в меня. Девушка повернула ко мне свое окровавленное изувеченное лицо. Из красного месива на меня взглянул единственный уцелевший карий глаз. Другой болтался в раскучуроченной щеке.

— Помоги мне, — просипела она. — *Помоги!*

Я хотел сбежать. Хотел орать, рыдать и блевать одновременно. И так бы, наверное, и случилось, если бы в этот момент другая рука, большая и крепкая, не схватила меня за плечо и мягкий голос не шепнул мне на ухо:

— Все хорошо. Я знаю, что тебе страшно, но очень важно, чтобы ты сейчас послушал меня и сделал все в точности, как я тебе скажу.

Я рывком обернулся. На меня смотрел Бледный Тип. Только в тот момент я понял, что его лицо под широкополой шляпой было почти таким же белым, как его рубашка. Даже его глаза казались затуманенными и прозрачно-серыми. Он походил на призрака или вампира, и в другой ситуации я бы, наверное, здорово испугался. Но в тот момент я видел в нем только взрослого, в котором нуждался, который сказал бы мне, как поступить.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Эд-ди.

— Ты не ранен, Эдди?

Я потряс головой.

— Хорошо. Но эта девушка — *да*, так что нам нужно ей помочь. Ты согласен?

Я кивнул.

— Вот что тебе нужно сделать: держи ее ногу. Держи крепко-крепко!

Он взял обе мои ладони и сжал ими ногу девушки. Она была горячей и липкой от крови.

— Держишь?

Я кивнул еще раз, чувствуя горький металлический привкус страха во рту. А еще — как кровь струится между пальцами, хотя я и сжимал ее ногу так крепко, как только мог.

На расстоянии куда большем, чем было на самом деле, я слышал пульсацию музыки и радостные крики. Девушка перестала кричать. Она лежала неподвижно и тихо, доносилось только ее рваное дыхание. Но даже оно затихало...

— Эдди, сосредоточься! Слышишь меня?

— Да.

Я уставился на Бледного Типа. Он выдернул ремень из джинсов. Это был длинный ремень. Слишком длинный для его тощей талии, он даже проделал в нем несколько дырок, чтобы затянуть потуже.

Поразительно, какие странные вещи мы замечаем в самые жуткие моменты. Например, я внезапно увидел, что с ноги Девушки свалилась туфелька. Резиновая розовая туфелька, вся в блестках. А потом подумал, что она ей теперь и не понадобится, ногу-то почти пополам разорвало!

— Ты со мной, Эдди?

— Да.

— Хорошо. Мы почти закончили. У тебя отлично выходит!

Бледный Тип затянул пояс вокруг бедра девушки. Очень туго. Он оказался куда сильнее, чем выглядел. И почти сразу же я почувствовал, как ток крови замедлился.

Он посмотрел на меня и кивнул:

— Можешь уже отпустить. Я держу.

Я убрал руки. Теперь, когда напряжение схлынуло, они внезапно начали крупно дрожать и я обхватил себя, сунув ладони под мышки.

— С ней все будет хорошо?

— Не знаю. Хорошо, что мы спасли ногу.

— А лицо? — прошептал я.

Он посмотрел на меня, и что-то во взгляде его прозрачно-серых глаз меня успокоило.

— Ты видел его, да?

Я открыл было рот, но так и не нашел что сказать, потому что не понял, почему из его голоса вдруг пропало все тепло. Он отвернулся и тихо произнес:

— Она будет жить. Это самое главное.

В этот момент над нами с треском прокатился раскат грома и на землю упали первые капли.

Думаю, именно тогда я впервые понял, что мир может измениться буквально за секунду. Все, что мы принимали как должное, могут внезапно вырвать у нас из рук. Наверное, поэтому я тогда стащил эту вещичку. Мне нужно было держаться за что-то реальное. Сбереечь эту вещь. По крайней мере именно так я сказал сам себе.

Но, как и в случае со всем, что мы обычно говорим себе, на поверку это оказалась просто куча дерьма.

Местная газета назвала нас обоих героями. Газетчики даже заставили нас с мистером Хэллораном вернуться в парк и сделали несколько фото.

Удивительно то, что два человека уцелели под взбесившейся каруселью и отделались ушибами и синяками. Несколько зевак получили порезы, на которые тут же наложили швы. Некоторым в давке помяли ребра.

Даже Девушка с Карусели (которую на самом деле звали Элайза) выжила. Врачам удалось пришить ее ногу на место и даже каким-то образом спасти ей глаз. Газеты назвали это чудом. Про остальную часть ее лица они ничего не сказали.

Со временем, как это обычно и бывает с драмами и трагедиями, интерес к этому случаю стал потихоньку угасать. Толстяк Гав перестал отпускать дешевые шуточки (в основном связанные с отсутствием ног), а Железному Майки надоело называть меня Героическим Мальчиком и спрашивать, где мой плащ. Другие новости и сплетни вытеснили случившееся. На трассе А36 произошла жуткая авария, в которой погибла кузина одного из учеников нашей школы. А затем еще и Мэри Бишоп забеременела, а ведь она училась в последнем классе. Короче говоря, жизнь продолжалась.

Я не особенно переживал из-за этого. Вся история здорово меня утомила. Я ведь не был тем, кому нравится быть в центре

внимания. К тому же чем меньше я об этом говорил, тем реже мне приходилось вспоминать искромсанное лицо Девушки с Карусели. Ночные кошмары тоже почти прошли. Я стал реже пробираться по ночам в ванную, скомкав свои секреты в простыне.

Мама несколько раз спрашивала меня, не хочу ли я навестить Девушку в больнице. Я всегда отвечал, что нет. Я не хотел ее видеть. Не хотел видеть ее изуродованное лицо. Не хотел, чтобы ее карие глаза посмотрели на меня с упреком, словно говоря: «Я знаю, что ты собирался сбежать оттуда, Эдди. Перед тем как мистер Хэллоран поймал тебя, ты хотел оставить меня умирать!»

Думаю, мистер Хэллоран навещал ее, и довольно часто. У него находилось для этого время. К своим учительским обязанностям он должен был приступить только в сентябре. Видимо, он специально пораньше переехал в свой съемный коттедж, чтобы успеть прижиться в городе.

Пожалуй, это была хорошая идея. Он дал людям возможность привыкнуть к себе и отмести все вопросы еще до того, как впервые войдет в класс.

Почему у него такая кожа?

«Просто он альбинос», — терпеливо объясняли взрослые. Это значит, что в его организме отсутствует какой-то «пигмент», который и придает коже большинства людей розовый или коричневатый цвет.

А с глазами что?

То же самое и с глазами. В них просто отсутствует пигмент.

Так, значит, он не урод, не чудовище и даже не призрак?

Нет. Обычный человек. Просто у его организма есть такая особенность.

Так вот, все они ошибались. Мистера Хэллорана можно было назвать каким угодно человеком, но точно не «обычным».

2016 год

Это письмо приходит неожиданно, без фанфар и ковровых дорожек. Ничто не предвещало беды.

Оно просто проскальзывает в почтовую щель, зажатое, как в бутерброде, между письмом из благотворительного фонда Макмиллана и флаером новой службы доставки пиццы.

Кто вообще, черт подери, в наше время шлет бумажные письма? Даже у моей семидесятивосьмилетней матери есть электронная почта, аккаунты в «Твиттере» и «Фейсбуке». Честно говоря, она намного более продвинутая, чем я. Я вообще немного луддит¹. Мои ученики без конца удивляются, что я воспринимаю все эти разговоры о «Снэпчате», «фолловерах», «тэгах» и «Инстаграме» как болтовню на иностранном языке. «А я-то думал, что учу их английскому», — вот как я частенько говорю. И я не имею ни малейшего понятия, о чем они болтают, черт бы их побрал.

Я не могу разобрать почерк на конверте, но я и свой с трудом понимаю. Мы теперь живем в мире клавиатур и сенсорных экранов. Сидя за кухонным столом и потягивая кофе, я распечатываю конверт и извлекаю из него содержимое. Хотя нет, вру. Я действительно сижу за столом и действительно изучаю письмо, но кофе просто стоит рядом и медленно остывает.

— Ну и что это такое?

Я вздрагиваю и оглядываюсь. В кухню входит Хлоя — она зевает и все еще выглядит помятой со сна. Крашенные черные волосы распущены, рваная челка стоит торчком, так, словно ее лизнула корова. На ней старая толстовка с логотипом «Cure», а на лице виднеются остатки вчерашнего макияжа.

---

¹ Луддиты (англ. *luddites*) — участники стихийных протестов первой четверти XIX века против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии. С точки зрения луддитов, машины вытесняли из производства людей, что приводило к технологической безработице. Часто протест выражался в погромах и разрушении машин и оборудования.

— Гляди, — говорю я, помахивая письмом. — Это называется «письмо». В былые времена при помощи этих штук люди общались между собой.

Она награждает меня уничтожающим взглядом и показывает средний палец:

— Я знаю, ты что-то говоришь, но все, что я слышу, — это «бла-бла-бла»!

— Вот главная проблема молодежи. Вы просто не слушаете.

— Эд, я, конечно, понимаю, что ты мне в отцы годишься, но почему ты нудишь, как мой дед?

Она права. Мне сорок два, а Хлое за двадцать. Наверное. Она никогда не говорит, сколько ей лет, а я слишком джентльмен, чтобы спрашивать. Разница между нами не так уж и велика, но иногда кажется, будто нас разделяет несколько десятков лет.

Хлоя — юная, крутая и вполне может сойти за подростка. А я — не уверен, но, наверное, мог бы сойти за пенсионера. Мягко говоря, меня уже можно назвать потрепанным. Заботы и переживания не особенно щадили меня. Мои волосы все еще густые и почти черные, но морщины от смеха вокруг рта уже не кажутся забавными. Как и многие высокие люди, я сутулюсь. Хлоя называет мою любимую одежду «нищевродским шиком» — сплошь костюмы, жилеты и туфли. У меня, конечно, есть джинсы, но на работу я их не надеваю, разве что в те дни, когда хочу спрятаться от всех в своем кабинете. А работаю я почти всегда, даже занимаюсь репетиторством на каникулах.

Это потому, что мне нравится преподавать, и я не уверен, что кто-то еще так же сильно любит свою работу, как я. А я люблю, потому что мне нужны деньги. И как раз по этой причине Хлоя здесь живет. Она снимает у меня жилье. Мы друзья. Надеюсь.

Надо сказать, мы очень странная парочка. Обычно я не пускаю к себе таких жильцов. Но меня как раз подвел очередной потенциальный съемщик, а дочь моего знакомого знала «одну девчонку», которая срочно нуждалась в жилье. Мы сговорились. Идея была неплоха. Как и идея завести себе компанию. Наверное, это странно, что я вообще искал жильца? Я ведь довольно неплохо зарабатываю. К тому же дом, в котором я живу, достался мне от матери. Уверен, большинство думает, что это, должно быть, очень спокойная и свободная от всяких выплат по ипотекам и прочему жизнь.

Печальная правда заключается в том, что этот дом был куплен, когда процентная ставка представляла собой двузначное число. Мы заложили дом один раз, чтобы сделать ремонт, а потом еще раз, чтобы оплатить лечение отца, когда стало ясно, что умирать дома слишком дорого.

Мы с мамой долгое время жили вдвоем. А пять лет назад она встретила Джерри, веселого экс-банкира, который очень хотел удрать подальше от всего и своими руками построить экологически чистое жилье где-то в графстве Уилтшир, на природе. Не имею ничего против Джерри. «За» тоже ничего не имею, но, похоже, мама с ним счастлива, а это, как мы любим себе врать, — самое главное.

Думаю, часть меня, даже несмотря на то, что мне уже сорок два, просто противится тому, чтобы мама была счастлива с каким-то другим мужчиной, кроме папы. Знаю, это так по-детски, незрело и эгоистично. В этом я хорош.

К тому же в семьдесят восемь лет маме вдруг стало решительно наплевать на все. Конечно, она не говорила этого, когда собралась переехать к Джерри, но подтекст я уловил:

— *Я просто хочу убраться отсюда подальше, Эд. Тут слишком много воспоминаний.*

— *Ты хочешь продать дом?*

— *Нет. Я хочу, чтобы он достался тебе. Немного любви и заботы, и из него выйдет чудное семейное гнездышко.*

— *Мам! У меня и девушки-то нет, о какой семье мы говорим?*

— *Никогда не поздно, знаешь ли.*

Я ничего не ответил.

— *Не хочешь жить в этом доме — можешь его продать.*

— *Дело не в этом. Я... я просто хочу, чтобы ты была счастлива.*

— *От кого письмо? — спрашивает Хлоя, подходит к кофемашине и ставит в нее кружку.*

Я засовываю письмо в карман халата.

— *Не важно.*

— *О-о-о, интрига!*

— *Не совсем. Просто это... старый знакомый.*

Она приподнимает бровь:

— *Что, еще один? Слушай, они как грибы. Я и не знала, что ты был такой звездой.*

Я хмурюсь, но тут же вспоминаю, как рассказывал ей о том, что ко мне на ужин придет гость.

— Какой удивленный тон!

— Да, удивленный. Для такого нелюдимого типа у тебя как-то многовато друзей.

— Все мои друзья здесь, в Эндерберри. И ты их знаешь. Это Гав и Хоппо.

— Они не в счет.

— Почему?

— Потому что они — не друзья. Вы просто знаете друг друга всю жизнь, вот и все.

— Именно таких людей и называют «друзьями», разве нет?

— Нет. Таких людей называют «узким кругом». Вы вынуждены общаться, потому что привыкли к этому, потому что у вас есть общее прошлое, но не потому, что очень этого хотите.

Она была права. В каком-то смысле.

— Не важно. — Лучше сменить тему. — Я пойду собираться. Мне нужно в школу.

— Сейчас же каникулы!

— Вопреки расхожему мнению, работа учителя не заканчивается с наступлением летних каникул.

— Никогда не думала, что ты — фанат Элиса Купера¹. Я была о тебе лучшего мнения.

— Мне нравится его музыка, — невозмутимо отзываюсь я.

На лице Хлои появляется та самая кривая улыбочка, которая чудесным образом превращает ее простоватые черты в совершенно очаровательные. Есть такие женщины. Поначалу они могут казаться необычными, даже немного странными, но затем — всего одна мимолетная улыбка или приподнятая бровь, и они преобразуются.

Думаю, я немного влюблен в нее, хотя никогда в этом не признаюсь. Я знаю, что для нее я скорее дядюшка-опекун, чем потенциальный парень. А я не хочу внушать ей дискомфорт и мысли, что я испытываю к ней нечто большее, чем отцовскую любовь. К тому же мне прекрасно известно, что в таком маленьком городке отношения со столь юной особой могут быть истолкованы неверно.

---

¹ Элис Купер (род. в 1948) — американский рок-певец и автор песен.

— Ну и когда придет этот твой «старый знакомый»? — спрашивает она, усаживаясь со своим кофе за стол.

Я отодвигаю стул и встаю.

— Около семи. — Молчу пару секунд. — Будем рады, если ты присоединишься к нам.

— Спасибо, но я пас. Не хочу портить ваш вечер воспоминаний.

— О'кей.

— Может, в другой раз. Судя по тому, что я прочитала, он вроде бы интересный персонаж.

— Да. — Я выдавливаю из себя улыбку. — Интересный — не то слово.

Школа находится в пятнадцати минутах бодрой ходьбы от моего дома. Но сегодня, в такой приятный и теплый летний день, укрытый под тонким слоем облаков, пересеченных редкой лазурью, этот путь превращается в прогулку. Отличная возможность немного привести мысли в порядок перед работой. В учебный семестр это полезная привычка. Многих детей из Академии Эндерберри, у которых я преподаю, можно назвать «сложными». Во времена моей молодости их бы назвали «кучкой мелких засранцев». Иногда я подолгу настраиваюсь перед встречей с ними. А когда и это не помогает, единственное, что меня спасает, — это рюмка водки, выплеснутая в утренний кофе.

Как и многие другие маленькие города, Эндерберри может показаться неискушенному глазу прекрасным местом для жизни. Сплошь изящные улочки, вымощенные булыжником дороги, чайные магазинчики и собор со своей историей. Дважды в неделю здесь появляется уличный рынок, повсюду — уйма очаровательных парков и возможностей полюбоваться речными видами. Если немного проехать на машине, можно с легкостью попасть на песчаные пляжи Борнмута или на открытую пустошь Нью-Форест. Однако, если сковырнуть верхний слой, можно с такой же легкостью убедиться, что все это — лишь глазури для туристов. Занятость здесь привязана к определенному сезону, и уровень безработицы очень высок. Толпы неприкаянной молодежи постоянно шатаются по магазинам и паркам. Шестнадцатилетние мамы возят по главной улице орущих младенцев в колясках. Это, конечно, не такое уж обычное явление, но в последнее время оно стало довольно частым. Или это только

мне так кажется. Ведь весьма нередко с возрастом приходит не мудрость, а нетерпимость.

Я дохожу до ворот парка Олд-Мидоу. Это земля моего детства. Она определенно изменилась с тех пор. Здесь появился скейт-парк, а та игровая площадка на другом конце парка, где час-тенко зависала наша «банда», сменилась более современной и модернизированной зоной отдыха. Появились качели на веревках, огромная горка-тоннель, спуски на канатах и куча всевозможных классных штук, о которых мы и мечтать не могли, когда были детьми.

Странно, но старая игровая площадка тоже никуда не делась — она все еще находилась там, заброшенная и запущенная. Домик весь проржавел, тросы качелей кто-то спутал и обмотал вокруг рамы, а некогда яркая краска на деревянной карусели пошла пузырями и облупилась. Теперь ее покрывали граффити, сделанные теми, кто и сам уже давным-давно позабыл, почему Хелен — сучка и почему они когда-то обвели имя Энди В. сердечком.

Я стою возле этой площадки пару минут. Просто смотрю и вспоминаю...

Слабый скрип качелей, покусывающий холодок раннего утра, крошки белого мела на черном асфальте. Еще одно послание. Но на этот раз другое. Это не меловой человек, это... что-то иное.

Я резко оборачиваюсь. Только не сейчас! Только не снова! Я не хочу, чтобы меня опять втянули во все это...

В школе я не задерживаюсь надолго. Заканчиваю все дела еще до обеда, собираю книги, запираю дверь и снова иду в центр.

«Бык» все еще стоит на углу главной улицы. Последний из «коренного населения». Раньше в Эндерберри было еще два паба, «Дракон» и «Уитчиф», а затем сюда въехала новая сеть. Старые заведения начали закрываться одно за другим, и родителям Гава пришлось урезать цены. Они позволили устраивать в пабе девичники, ввели «счастливые часы» для посетителей и «семейные дни» — что угодно, лишь бы выжить.

В конце концов они поднакопили денег, переехали на Майорку и открыли там бар «Бритц». Гав, который работал в «Быке» на полставки с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать,

Благодарности

Во-первых, спасибо тебе, дорогой читатель, за то, что ты решил прочесть эту книгу. За то, что ты потратил на нее свои нелегким трудом заработанные деньги, взял в библиотеке или одолжил у друга. Как бы она ни попала к тебе — огромное, крупнейшее спасибо.

Также я хочу поблагодарить своего непревзойденного агента Мэделайн Мильберн за то, что она заметила мою рукопись и выудила ее из мусора. Ты. Лучший. Агент. В мире. Также спасибо Хейли Сид, Терезе Коэн, Анне Хогарти и Джилесу Мильерну за их труд и советы. Ребята, вы просто фантастика.

Спасибо прекрасной Максине Хичкок из «MJ Books» за наши беседы о младенческих какашках. Ну и за то, что ты — такой прозорливый и вдохновляющий редактор. Спасибо и Натану Робертсону из «Crown US» за то же самое (кроме разве что бесед о какашках). Спасибо Саре Дэй за редактирование и всем в «Penguin Random House» за поддержку.

Спасибо всем моим редакторам по всему земному шару. Надеюсь, мы когда-нибудь встретимся!

Ну и, конечно, спасибо моему многострадальному Нилу за его любовь, поддержку и все те вечера, которые он провел, общаясь с поднятой крышкой моего ноутбука. Спасибо Пат и Тему за то множество вещей, которые они для меня сделали. И, разумеется, моим родителям — просто за все.

Мы почти закончили, честное слово.

Спасибо Карлу за то, что терпел мои скучные рассказы о работе писателя, когда я гуляла с собакой. И за морковь, конечно, тоже!

И наконец, спасибо вам, Клэр и Мэтт, за то, что купили нашей малышке такой восхитительный подарок на ее второй день рождения — коробочку цветных мелков.

Смотрите, что вы наделали.

Літературно-художнє видання

ТЮДОР С. Дж.
Крейдяна Людина
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *А. О. Колобакіна*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 27.12.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика».
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4.
Впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ТЮДОР С. Дж.
Меловой Человек
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *А. А. Колобакина*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 27.12.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика».
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4.
Внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua**Киев**тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua**Одесса**тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

П'ятеро друзів — Едді Мюнстер, Гладкий Гев, Металевий Міккі, Гоппо і Ніккі — давно виростили з того віку, коли для спілкування використовували зашифровані послання, написані кольоровою крейдою. Але минуло не стирається так само легко, як крейда з пальців. Сорокарічний Ед усе ще пам'ятає, як він і його шкільний учитель урятували дівчину Елізу. І пам'ятає її обезголовлений труп, який знайшли в лісі... Через багато років Ед Адамс зустрічається з Міккі, який заявляє, що вичислив убивцю Елізи. Наступного дня його самого знаходять мертвим, із намальованим крейдяним чоловічком у кишені. Друзі розуміють: те, від чого вони втікали, повернулося. На згадку про минуле в кожного з них лишилася не тільки крейда під нігтями, але й кров. Чия вона?..

Тюдор С. Дж.

Т98 Меловой Человек : роман / С. Дж. Тюдор ; пер. с англ. М. Чайковской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с.

ISBN 978-617-12-4331-6

ISBN 978-0-718-18743-9 (англ.)

Пятеро друзей — Эдди Мюнстер, Толстяк Гав, Железный Майки, Хоппо и Никки — давно вышли из того возраста, когда для общения используют зашифрованные послания, написанные цветными мелками. Но прошлое не стирается так же легко, как мел с пальцев. Сорокалетний Эд все еще помнит, как он и его школьный учитель спасли девушку Элайзу. И помнит ее обезглавленный труп, который нашли в лесу... Спустя годы Эд Адамс встречается с Майки, который заявляет, что вычислил убийцу Элайзы. На следующий день его самого находят мертвым, с нарисованным меловым человечком в кармане. Друзья понимают: то, от чего они бежали, вернулось. На память о прошлом у каждого из них остался не только мел под ногтями, но и кровь. Чья она?..

УДК 821.111